

Раневская Фаина Георгиевна
3.08.96.

Планета «Фаина Раневская»

Веч. Москва. — 1996 — 3 авг. — с. 5

Люси Купер — **Ф. РАНЕВСКАЯ**,
«Дальше — тишина».

Знаю, что такой планеты пока нет. Что Раневская — вовсе не фамилия Фаины Георгиевны, а всего лишь ее театральный псевдоним, одолженный у знаменитой чеховской героини. И тем не менее называю заметку о великой актрисе именно так. Потому что Раневская — и в самом деле планета, которой суждена вечная жизнь. Во всяком случае, пока будут живы люди...

Ровно тридцать лет назад к семидесятилетию Раневской я опубликовал в «ВМ» очерк о ней под названием «Блуждающая звезда». Через какое-то время раздался звонок: «Вы что, сошли с ума? Теперь ведь все подумают, что я и есть героиня романа Шолом-Алейхема. Разве можно так шутить?».

Раневская принадлежит к той немногочисленной счастливой категории актеров, о которых вовсе не обязательно постоянно напоминать, ибо их и так никогда не забудут. Еще при жизни о ней появились книги С. Дуниной и Г. Шахова. А после смерти Фаины Георгиевны в издательстве «Искусство» вышел замечательный сборник воспоминаний, сделанный талантливо и с любовью Л. Лосевым, Б. Журавским, Н. Альтман, Л. Пичхадзе, М. Егизаровой и В. Петрусовой. Это по своему уникальное издание стало своеобразным памятником великой актрисе, сооруженным при помощи людей, близко знавших Раневскую. Однако главный памятник себе она все же воздвигла сама своими неповторимыми созданиями на сцене и на экране. Раневскую неодно-

кратно называли «Чарли Чаплиным в юбке», не подозревая, что Чарли Чаплин, увидев ее Розу Скороход в «Мечте», был потрясен и плакал...

Не стану напоминать ни ее роли, ни круг ближайших друзей — от Пушкина до Ахматовой, ни ее бесконечные «мо». Не стану повторять легенды о ее доброте, причудливо сочетавшейся с несносным характером. Потому что все это и так хорошо известно.

Да, она действительно была одновременно общительна и замкнута, отчего страдала больше всего сама, но никогда ни на что не жаловалась, в том числе и на свое одиночество, потому что не хотела, чтобы ее жалели, гордость этого не позволяла...

Как-то на другой день после премьеры «Странной миссис Сэвидж» я позвонил ей и поинтересовался, не разбудил ли?

— Что вы, что вы, разве я могу уснуть после такого спектакля? Правда, когда я слишком долго ничего не репетирую и не играю, мне и вовсе не спится...

Последний раз я видел Фаину Георгиевну 8 марта 1982 года совершенно случайно. Мне нужно было зайти к ее соседу, чтобы получить подпись под некрологом о нашем общем друге. Зная, как Раневская относилась к покойному, я не хотел, чтобы она услышала о его смерти от меня.

Выйдя из лифта, я направился к двери, что была напротив квартиры Фаины Георгиевны, позвонил, и, пока мне отворили, на лестничную площадку с лаем выскочила собака Раневской: последние годы она не запирала входную дверь никогда... *

— Мальчик, Мальчик, ну, что ты так разволновался? — узнал я знакомый бас Фаины Георгиевны. — Разве ты не видишь — это пришел чужой, дурно воспитанный человек, который даже не хочет с нами поздороваться.

Я, конечно, извинился и что-то промямлил невнятное. А потом, опомнившись, стал поздравлять Раневскую с праздником 8 марта, чем окончательно, по-моему, доконал ее...

Так я и запомнил своего кумира в неизменном сиреневом халате из Парижа, в котором она обычно ходила по дому как в парадном костюме. Впрочем, любимое рубище на ней обрело царственные черты, таково уж было свойство самой индивидуальности. Имя которой — Фаина Георгиевна Раневская.

Борис ПОЮРОВСКИЙ
Фото В. ПЕТРУСОВОЙ